

RU

Адыгская языковая личность в эпическом дискурсе: переводческий и лингвокультурный аспекты

Анчек С. Х.

Аннотация. Цель исследования предполагает описание особенностей реализации адыгской языковой личности как переводчика эпического текста. Научная новизна заключается в выявлении этноспецифических единиц, введенных в тексты для передачи значений, не имеющих точных аналогов в русской культуре, в русском языке, описании способов их введения. В результате выясняется, что языковая личность переводчика владеет в одинаковой мере двумя языковыми структурами, обладает большой коммуникативной свободой во введении адыгских лексических единиц в лексический пласт русского языка.

EN

Adyghe Linguistic Personality in Epic Discourse: Translation and Linguocultural Aspects

Anchek S. Kh.

Abstract. The study aims to describe how the Adyghe linguistic personality is realised as a translator of an epic text. Scientific novelty lies in identifying ethnospecific units introduced into texts to convey meanings that have no exact analogues in Russian culture, in the Russian language; in describing the ways of their introduction. As a result, it has been found that the translator's linguistic personality possesses two language structures equally, has great communicative freedom in introducing Adyghe lexical units into the lexical layer of the Russian language.

Введение

Актуальность темы вызвана возрастающим интересом к проблеме языковой личности и соотношения культуры и языка. Идея рассмотрения существования и функционирования языка в связи с его носителем-человеком всегда была присуща языкознанию. Одни ученые рассматривают человека как «конкретную языковую личность» (Караулов, 1987, с. 7), другие – как «носителя языка» (Богин, 1986, с. 3), третьи – как «существо говорящее» (Ажеж, 2003, с. 296), четвертые – как «создающего, творящего язык и созданного, сотворенного языком» (Бербекова, 2019, с. 12). В данной статье особое внимание будет уделяться изучению языковой личности переводчика как «ключевого фактора переводческой деятельности, представителя определённой лингвокультурной модели» (Бальбурова, 2019, с. 202). С нашей точки зрения, переводчик создает новый текст, эквивалентный оригиналу по его концептуальной и эстетической информации, но используя иные языковые средства. Перевод эпического текста требует от переводчика глубоких знаний и языка оригинала, и языка, на который переводится текст (переводящий язык). В целях сохранения национальной идентичности оригинального текста он должен обладать и глубокими фоновыми знаниями.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: охарактеризовать особенности деятельности языковой личности переводчика; проанализировать культурологическое пространство переведенных текстов; выявить и охарактеризовать этноспецифические единицы, так называемые «свертки» (Хоссейн, 1999, с. 35) эпического дискурса – безэквивалентные единицы адыгского происхождения, не имеющие точных аналогов в русской культуре, в русском языке, в сознании русскоязычного человека иной национальности.

Методами исследования данной работы являются: методы наблюдения и сплошной выборки, описательный, лингвистическая интерпретация и метод семантического анализа языковых единиц.

Материалы исследования: основными источниками иллюстративных примеров послужили эпические произведения, отобранные в ходе сплошной выборки из сборника «Сказания и сказки адыгов» (Хут Ш. Х. Сказания и сказки адыгов / сост., вступит. ст. и коммент. Ш. Х. Хута. М.: Современник, 1987).

Теоретической базой нашей статьи явились работы, посвященные разным аспектам изучения понятий «языковая личность» (Караулов, 1987; Богин, 1986; Ажеж, 2003; Бербекова, 2019), «языковая личность переводчика» (Бальбурова, 2019; Шевченко, 2005; Вишневская, 2013), некоторые труды по изучению безэквивалентной лексики (Провоторова, 2016; Хоссейн, 1999).

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов при разработке теоретических и практических курсов по адыгским языкам, по адыгской лингвокультуре, лексикологии, по межкультурной коммуникации.

Основная часть

Языковая личность переводчика – это «особый тип языковой личности, обладающий определенной структурой и функциями, универсальная модель которой включает вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный уровни в тексте перевода» (Шевченко, 2005, с. 2). Г. М. Вишневская (2013) рассматривает перевод как «творческую двуязычную деятельность, являющуюся результатом контакта языков и проявлением динамического билингвизма. При динамическом билингвизме в контакт вступают не только два языка, но и две культуры, что вызывает явления переводческой интерференции в тексте перевода, заслуживающие пристального внимания лингвистов» (с. 57). По мнению К. А. Провоторовой (2016), «переводчик преломляет текст исходного текста таким образом, что он становится понятным читателю, не обремененному грузом культурологических или лингвистических особенностей общества, в котором оригинальное произведение появилось на свет». Мы рассматриваем языковую личность переводчика как особый тип языковой личности, обладающий глубокими знаниями языка оригинала и переводящего языка с учетом особенностей культур их носителей, грамматики, лексики, синтаксического строя и т.д. Важным аспектом переводческой деятельности является адекватность передачи национально-культурных особенностей текста.

За многие века своего существования адыги создали богатый фольклор, в котором представлены произведения самых различных жанров и категорий. В нем наличествуют повествования большие и малые, прозаические и поэтические, с музыкальным сопровождением и без него. Широко известна семитомная публикация, изданная адыгским нартоведом А. Гадагатлем, где собрано около «705 отдельных текстов песен, поэм и легенд, к которым прилагаются еще 40 нотных записей песен и поэм, цикл пословиц и поговорок» (Анчек, 2015, с. 78). Нартские сказания адыгов – особый жанр адыгского фольклора, они создавались в период устного мышления на ранних ступенях человеческого развития, для их адекватного перевода на русский язык важно не только знать оба языка, но и обладать глубокими социокультурными знаниями, иметь багаж знаний и умений по литературе, истории, культуре, быту, нравам других народов.

В числе немногих, кто занимался переводом адыгских эпических произведений (Дж. Коларуссо, А. Алиева, З. Кардангушев, А. Гадагатль, Л. Ветрова), был Шамсудин Хаджасфарович Хут – создатель мощной научной базы фольклорного наследия адыгов. Он является автором, составителем, редактором многих сборников фольклорных текстов на русском и адыгейском языках, фундаментальных исследований, монографических работ, книг для детей с произведениями фольклора, учебников.

Основными источниками нашего исследования послужили нартские сказания «Как Саусороко добыл огонь», «Что Петерез сделал для нартов», «Как Шабатыныко спас своего отца», «Саусоруко и Шабатыныко», «Ашамез», «Шауай и Черновласая красавица», переведенные Ш. Х. Хутом на русский язык.

К «трудным местам» (Провоторова, 2016), требующим особых переводческих решений, в первую очередь нужно относить такое явление языка, как безэквивалентная лексика. По нашим наблюдениям, использование безэквивалентной лексики в созданном адресантом на основе нартских сказаний русскоязычном текстово-дискурсивном эпическом пространстве становится необходимым в том случае, если прямой перевод этноспецифической единицы неосуществим, ее значение можно выразить только описательно, требуется комментарий к рассматриваемому явлению либо в целях создания национального колорита. В любом случае роль переводчика и знание им систем двух языков (адыгейского и русского), а также сложившиеся традиции имеют существенное значение в их передаче.

Немаловажную роль играют тезаурус языкового сознания и уровень владения родным и инородным языками, умение пользоваться фонетическими, лексическими, морфологическими, синтаксическими, стилистическими средствами и приемами в обоих языках, грамотно представлять адыгскую картину мира русскоязычным читателям, что очень значимо в формировании у них правильного мировидения.

Каждый эпический дискурс связан с именем главного персонажа, вокруг которого разворачиваются события. Имена адыгских персонажей в русскоязычном текстовом пространстве безэквивалентны, но они зафиксированы с заглавной буквы, поэтому легко определяемы для русскоязычного читателя. Способы введения антропонимов в русскоязычные тексты зависят от индивидуального стиля Ш. Х. Хута: «С тех пор как, спасая отца, **Шабатыныко** показал себя сильным и мужественным витязем...» (Сказания и сказки адыгов, с. 29); «**Был у нартов добрый, справедливый и мудрый предводитель по имени Насрен**» (Сказания и сказки адыгов, с. 22); «**Собрались они на хасе. Вспомнили и Имыса, Арыша, Саусырыко, ранее совершавших подвиги**» (Сказания и сказки адыгов, с. 22); «**Клянусь небом, я поеду и освобожу Насрена длинородого, верну наш огонь, – сказал Петерез**» (Сказания и сказки адыгов, с. 24); «**Озермедж жил в Чинте. Был он предводителем нартов**» (Сказания и сказки

адыгов, с. 25); «*Вскоре она родила сына. Дали ему имя Ашамез...*» (Сказания и сказки адыгов, с. 34); «*Отправляясь в набег, нарт Шауай обычно брал с собой много друзей*» (Сказания и сказки адыгов, с. 40).

Индивидуальный подход к осуществлению транскрибирования безэквивалентных единиц адыгского происхождения в иное языковое пространство наблюдается часто. Это происходит, на наш взгляд, из-за отсутствия унифицированных правил транскрипции адыгских слов. Отсутствие единых требований в фонетической передаче слова порождает до сих пор его русские вариации. Также непоследовательность в передаче графемного состава некоторых антропонимов на адыгейском языке привела переводчика к образованию разных вариантов их написания на русском языке: *Саусырыкъо* – «*Саусырыко*» / *Саусэркъо* – «*Саусороко*» / *Сосрыкъуэ* – «*Сосруко*»: «*Рассказывают, что Саусороко* был достойным витязем*» (Сказания и сказки адыгов, с. 20); «*Собрались они на хасе. Вспомнили и Имыса, Арыша, Саусырыко, ранее совершавших подвиги*» (Сказания и сказки адыгов, с. 22).

Адыгские нартские герои не имеют эквивалентов в русской картине мира, поэтому в выбранных сказаниях наблюдается сопровождение антропонимов небольшими текстовыми характеристиками. Для описания активной мужественности героев в русскоязычном пространстве Ш. Х. Хут использует хорошо знакомую русскому читателю лексику: *Саусырыко* – «*был достойным витязем*», «*совершал подвиги*»; *Шабатыныко* – «*показал себя сильным и мужественным витязем*»; *Насрен* – «*добрый, справедливый и мудрый предводитель*»; *Озермедж* – «*был рослым, густобровым и добродушным мужчиной*»; *Ящэ* – «*достойнейший муж*» и т.д. Существительные *витязь*, *предводитель*, *мужчина*, *муж* использованы в сочетании с прилагательными, подчеркивающими не только внешнюю, но и физическую мужественность героев: *рослый*, *густобровый*, *сильный*, *достойный*, *мужественный*. Наряду с родной для русскоязычного читателя лексикой автор перевода для характеристики богатырских качеств героя использует адыгскую лексику *пелуан* в значении «богатырь», комментарий к лексеме дается в словаре, имеющемся в исследуемом источнике: «*Звали его Ящэ. Был он пелуаном*, имел много земли...*» (Сказания и сказки адыгов, с. 33).

Отрицательные качества или намерения персонажей передаются с помощью следующих фраз: нарт *Аледж* – «*хочет с помощью обмана погубить Озермеджа и стать предводителем нартов*» (Сказания и сказки адыгов, с. 26); *Тлегуце-жаче* – «*Стрелы злодея вонзались в тело нарта (Тлегуце-жаче)*» (Сказания и сказки адыгов, с. 26); *Пако* – «*В то время жил в горах жестокий Пако, который считал себя богом*» (Сказания и сказки адыгов, с. 33).

Особое внимание привлекает правописание имени одного из персонажей эпического дискурса: *Ящэ*. Данная лексема дана в оригинальной графике, хотя в русском языке слог *-щэ-* не употребляется, адресант не стал применять к передаче данного слова транскрипцию либо транслитерацию, как в остальных случаях. Здесь наблюдается сугубо индивидуальный подход переводчика.

В адыгском эпическом дискурсе мало женских персонажей. В исследуемых текстах встречаются 3 женских персонажа *Сатанай*, *Акуанда*, *Черновласая красавица*: «*Сатанай решила воспитать сына в подземелье*» (Сказания и сказки адыгов, с. 25); «*Пастух говорил о красавице Акуанде, дочери Аледжа*» (Сказания и сказки адыгов, с. 27); «*Зовут эту девушку Черновласая красавица*» (Сказания и сказки адыгов, с. 51). Если первые две героини обладают исключительно женскими качествами: «*Сатанай была умной и предусмотрительной женщиной*» (Сказания и сказки адыгов, с. 25); «*В нем (в доме Аледжа – прим. наше. – С. А.) живет девушка невиданной красоты (Акуанда). Она с лисьими повадками, ходит мелкими шагками, как белка, комнату проходит за неделю*» (Сказания и сказки адыгов, с. 27). Третья героиня обладает не только феминными качествами, но и маскулинными: «*Знай, что я не юноша, а девушка. Если захочешь, то попытайся найти меня. Гость снял шлем, и перед Шауаем предстала девушка невиданной красоты, черные волосы ее сверкали на солнце, лицо светилось*» (Сказания и сказки адыгов, с. 50).

С женскими именами часто встречается эпитет *гуаце* «госпожа, жена князя», иногда означает «девушка» или «хозяйка»: «*Навстречу ему вышла Сатанай-гуаце*» (Сказания и сказки адыгов, с. 28).

Единожды встречается частый персонаж адыгских сказок *Куйжий*: «*Жил в этом ауле старый Куйжий**» (Сказания и сказки адыгов, с. 31). Сказочный *Куйжий* – бедный, он превосходит всех своей хитростью, а в сказании он – преклонного возраста, к нему обращаются за советом. Он нашел решение, как вылечить жену чабана. Адресант не стал загружать текст пояснениями, кто это, а ограничился лишь меткой, надеясь на то, что читатели знакомы с данным сказочным персонажем.

Ш. Х. Хут вводит в русскоязычное пространство некоторые историзмы адыгского происхождения, морфологически адаптировав их. Например: *хагрей* «слуга; человек, ухаживающий за гостями»: «*Когда хагрей* взяла плоть у Шабатыныко и повесили на колышек, то колышек не выдержал ее тяжести и сломался*» (Сказания и сказки адыгов, с. 29); *унаут* «состоящий при доме раб, не обладавший какими-либо правами»: «*Унаутами* у него были иныжи*» (Сказания и сказки адыгов, с. 33).

Адыгский эпический дискурс характеризуется присутствием мифических героев и мифологем: *Мезитхе* «мифологический бог охоты, лесов, покровитель диких животных», *Псахех* «ангел, вестник смерти», *Иныж* «косматый великан», *Пако* «враг нартов». Суть введения мифологем состоит в том, что они эксплицируют персонажи и образы, обладающие сверхъестественными способностями. Им присущи как положительные, так и отрицательные национально-культурные особенности: «*В это время Мезитхе* сидел на верхушке большого дерева. Он услышал спор нартов и подошел к ним*» (Сказания и сказки адыгов, с. 30); «*Затем выпустил злой Пако псахеха*, и с ним справился Петерез. Долго содрогались горы от стопа павшего ангела*» (Сказания и сказки адыгов, с. 24); «*Рядом, подремывая, грелся косматый иныж**» (Сказания и сказки адыгов, с. 20); «*В то время жил в горах жестокий*

Пако, который считал себя богом» (Сказания и сказки адыгов, с. 22). Все мифологемы являются сложными словами, состоящими из двух компонентов: *мэзы* «лес» + *тхэ* «бог», *псэ* «душа» + *хэын* «отнять»; *ины* «большой» + *жэы* «старый», *пэ* «нос» + *ко* «тупой». Мифологемы, функционирующие в текстах, подчеркивают особенности религиозного мира адыгов, приверженность к определенному вероисповеданию.

Своеобразием характеризуется языковое представление топонимических единиц в языковом сознании адресанта, которые представлены путем транскрибирования и с отсылкой на комментарий в словаре, данном в источнике: *Ошхомафо* «Эльбрус», букв. «Счастливая гора»: «Оседлав своего коня, он поехал к горе **Ошхомафо***» (Сказания и сказки адыгов, с. 22); *Чинт* «название страны»: «Говорят, что Озермес родился в **Чинте***» (Сказания и сказки адыгов, с. 25); *Пиши* «название реки»: «Озермедж выехал из Чинта и, переправившись через Кубань, добрался до берегов **Пишиа***, где стоял дом старика Аледжа...» (Сказания и сказки адыгов, с. 26); *Тен* «Дон», *Индыл* «Волга», *Пишиз* «Кубань»: «**Был в степях Тена***, на берегах **Индыл*** и **Пишиза***» (Сказания и сказки адыгов, с. 31).

Морфологически адаптированы некоторые бытовые реалии и фитонимы, которые в целом представлены именами существительными, правильно определен звуковой облик каждого слова: *черкеска* «адыгский национальный мужской наряд»: «Задев полой **черкески*** котел, в котором варили трех быков, витязь опрокинул его» (Сказания и сказки адыгов, с. 30); *хачец* «дом для гостей, кунацкая»: «Я не из тех гостей, что приезжают для посещения девичьей комнаты, я – гость **хачеца***, – ответил **Шабатыныко***» (Сказания и сказки адыгов, с. 27); *аштрам* «водяной орех»: «Если хочешь меня испытать, то вели привезти девять возов **аштрама***, – ответил гость» (Сказания и сказки адыгов, с. 29).

Попав в русский текст, адыгские лексемы по правилам русской грамматики приобрели родовой признак, чего нет в адыгском языке: *Ианэ* «круглый столик на трех ножках для еды»: «Не сидел я с вами за праздничным **Ианэ***» (Сказания и сказки адыгов, с. 22); *шагиндак* «возвышение, на котором сидели знатные девушки, наблюдая за торжествами, празднествами»: «Со своего **шагиндака*** она заметила едущего в их сторону **Шабатыныко***» (Сказания и сказки адыгов, с. 27); *гомьль* «походное продовольствие адыгских всадников – сухое, сытное, удобное в перевозке, долго не портящееся»: «Он привез ему некаленных стрел и три соленых лепешки, для себя же взял тридцать каленных стрел и хорошую **гомьль***» (Сказания и сказки адыгов, с. 38). Адыгские лексемы *Ианэ*, *шагиндак* семантически синонимичны русским лексемам *стол* и *стул*, которые по родовому признаку относятся к мужскому роду, поэтому автор перевода, включив их в дискурс, употребил их в мужском роде – за праздничным **Ианэ**, со своего **шагиндака**. Возникают сомнения, по каким критериям определен род лексемы *гомьль*, потому что в русском языке часть существительных, заканчивающихся на «-ль», женского рода, а часть – мужского: *хорошую гомьль* – женского рода. Единичный зооним *щеджибле* женского рода, так как семантически приближен к ядовитой породе маленьких змей: «Когда закончится хасе, начнется санопитие. Твоему отцу подадут рог, на дне которого будет **щеджибле***. От ее укуса он должен погибнуть» (Сказания и сказки адыгов, с. 26).

В текстах встречаются и другие бытовые реалии: *шилльбир* «кожаный или сотканый из пеньки шнур длиной 3-4 метра, предмет снаряжения всадника»: «Тлегуце-жаче пробуравил пятку Ашамеза, продел туда **шилльбир***, а его конец привязал к хвосту своего коня» (Сказания и сказки адыгов, с. 38); *сулук* «маленький кожаный бурдюк для воды»: «Обмой этой кровью женщину, – сказала она и поставила **сулук***» (Сказания и сказки адыгов, с. 31); *кумган* «медный сосуд для воды»: «Взяв с собой **кумган*** с теплой водой и разные снадобья, женщина отправилась в конюшню» (Сказания и сказки адыгов, с. 39); *коны* «сапетка, зернохранилище»: «Когда завидела вдали всадника, вырыла ямку возле **коны*** и засыпала ее землей» (Сказания и сказки адыгов, с. 25); *беджинэ* «сладко-кислая кашка из ячменной, овсяной или кукурузной муки»: «Когда мать приготовит для тебя **беджинэ*** и поставит перед тобой анэ, ты возьми ее за руку, окуни пальцы в горячую кашу и держи до тех пор, пока она не поклонится. Что скажет, кто убил твоего отца, – посоветовала женщина» (Сказания и сказки адыгов, с. 35); *джанишерих* «встречающееся в адыгском фольклоре громадное, тяжелое, острое колесо»: «Сидя у подножия горы, головой бьет катящийся сверху **джанишерих*** и тем ударом возвращает его назад, – ответил Саусороко» (Сказания и сказки адыгов, с. 21).

Наименования некоторых архитектурно-строительных объектов введены в русскоязычный эпический дискурс путем транскрипции и транслитерации: *унэшо* – «**унешхо**», *лэгьун* – «**лагуне**», *к'эсэн* – «**чесен**».

У адыгов старики-хозяева, отец и мать, жили в отдельной комнате или в отдельном доме, который назывался *унешхо*. Там же они принимали ближних родственников и приятелей: «Так только Тлегуце-жаче заехал во двор, навстречу ему из **унешхо*** выбежала какая-то женщина» (Сказания и сказки адыгов, с. 38). Дом или комната для новобрачных, женская половина дома называлась *лагуне*: «Красавица (Акуанда – прим. наше. – С. А.) выбежала ему навстречу и пригласила в **лагуне***» (Сказания и сказки адыгов, с. 27). Особый интерес вызывает введение лексемы *чесен* – это адыгское название архитектурной конструкции в виде столба, которая в русском языке номинирована «колонна», *чесен* – «деревянная колонна веранды»: «Дом Аледжа приметный: громадный, с множеством **чесен***, каждую из которых не смогут увезти восемь волов» (Сказания и сказки адыгов, с. 27). Семантически родственная лексема *колонна* женского рода, автор перевода посчитал логичным отнести лексему *чесен* к женскому роду: с множеством **чесен**, каждую из которых...

Этноним *нарт* репрезентирует образы героев нартского эпоса, мифических предков адыгов, он стал этнокогнитивным феноменом. В рассматриваемых текстах данный этноним является безэквивалентным: «А было это в те поры, когда жили на Кавказе храбрые **нарты***» (Сказания и сказки адыгов, с. 20).

Семантические составляющие культуры *бысым*, *хабар*, *хасе*, *джегу*, *хеч-хасэ*, *санопитие* отражают и транслируют быт, традиции и обычаи адыгского этноса: *бысым* «дом, где остановился гость; хозяин дома»: «**Наи**

бысым*, не вином проверяют гостей!» (Сказания и сказки адыгов, с. 29); *хасе* «пир» (в данном случае мы полагаем, что вариант значения слова *хасе* – «совет нартов, где решались важнейшие дела» (Сказания и сказки адыгов, с. 409), предложенный А. И. Алиевой): «Собрались они на **хасе***. Вспомнили и *Имыса, Арыша, Саусырыко, ранее совершавших подвиги*» (Сказания и сказки адыгов, с. 22); *хеч-хасэ* досл. «вырвать-забить», «народная игра – прием борьбы в сказках, заключающийся в поочередном поднимании и забивании в землю противника»: «Сначала будем биться копьями, а затем уж приступим к **хеч-хасэ***, – предложил великан» (Сказания и сказки адыгов, с. 49).

Особое внимание привлекает лексема *джегу*, что означает «игрище, вечеринка, пиршество, сопровождаемое играми, музыкой, танцами». В русском языке употребляется слово «свадьба», семантически родственное данной лексеме. Адресант варьирует употребление родного и инородного слов, привлекая внимание читателя к единому значению данных лексем: «Очень обрадовались нарты возвращению героев. Тут же устроили *семидневное-семиночное санопитие** и *джегу**» (Сказания и сказки адыгов, с. 25); «Нарты устроили им **свадьбу**. Все ели, пили, танцевали и веселились целый месяц» (Сказания и сказки адыгов, с. 54). В первом предложении автор перевода вводит адыгско-русскую культуру *санопитие* «винопитие, пир нартов», состоящую из двух компонентов: *санэ* – адыгское слово, означающее «вино», + *питие* – русское слово, означающее «процесс поглощения жидкости через рот».

Лингвокультурный потенциал языкового сознания Ш. Х. Хута формирует индивидуально-авторское видение мира, где переплетаются адыгская и русская языковые картины: «Когда Саусоруко закончил свой **хабар***, Мезитхе обратился к Шабатыныко» (Сказания и сказки адыгов, с. 32). Выделенная лексема *хабар* относится к жанрам малой повествовательной прозы, ее можно перевести как «новость, известие, рассказ».

Лексема *мардж* в предложении использована для выражения речевой экспрессии: «– **Мардж***, если у кого обиды лежит на сердце, пусть скажет, пока я не поднял рог!» (Сказания и сказки адыгов, с. 28). Она означает «призыв к чему-л.».

Анализ адыгских эпических текстов, переведенных Ш. Х. Хутом с адыгского на русский язык, позволил выявить безэквивалентную лексику адыгского происхождения в количестве 53 единиц. Эпическая безэквивалентная лексика является информоемким хранилищем национально-культурной семантики национального языка. В ней зафиксирована специфическая информация об историческом развитии, традициях, быте адыгского языкового культурного пространства. Выбор автором перевода этноспецифических реалий, культурем, мифологем, этнонимов, фитонимов для включения в русское текстовое пространство подчинен стремлению его языкового сознания донести до читателя родной язык и культуру через текст, где гармонично соединились две лингвокультуры: адыгская и русская.

Заключение

Таким образом, обобщая наше исследование, можно сделать вывод, что адыгская языковая личность переводчика в эпическом дискурсе обладает умением репрезентировать адыгские эпические тексты в русскоязычной языковой культуре, а также способностью включать в создаваемый текст этноспецифические единицы, не имеющие точных аналогов в русской культуре, в русском языке, в сознании русскоязычного человека. Носители двух лингвокультур часто имеют большую коммуникативную свободу и адекватные представления о семиотических пространствах и кодах родной и приобретенной культур.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в изучении адыгской языковой личности переводчика в коммуникативном аспекте.

Источники | References

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. Анчек С. Х. Адыгский эпос «Нарты»: к характеристике семитомного свода текстов героического эпоса // Наследие веков. 2015. № 4.
3. Бальбурова Л. К. Влияние языковой личности на реализацию переводческой деятельности (на материале современных СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 6.
4. Бербекова Ф. А. Концепт КРАСОТА в эстетической и этической парадигмах кабардино-черкесской, французской и русской лингвокультур: автореф. дисс. ... к. филол. н. Майкоп, 2019.
5. Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин, 1986.
6. Вишневская Г. М. Языковая личность переводчика и переводческий билингвизм // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2013. № 9.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
8. Провоторова К. А. Текст и культура: переводческий аспект // Молодой ученый. 2016. № 1 (105). URL: <https://moluch.ru/archive/105/24934>
9. Хоссейн Дж. А. Безэквивалентная лексика как свернутый дискурс: дисс. ... к. филол. н. М., 1999.
10. Шевченко О. Н. Языковая личность переводчика: на материале дискурса Б. В. Заходера: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2005.

Информация об авторах | Author information**Анчек Сурет Хазретовна¹**, д. филол. н.¹ Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева, г. Майкоп**Anchek Suret Khazretovna¹**, Dr¹ Adyghe Republican Research Institute of the Humanities named after T. M. Kerashev, Maykop¹ ancheksuret@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 07.09.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

Ключевые слова (keywords): адыгская языковая личность; эпический дискурс; переводческий аспект; этноспецифические единицы; безэквивалентная лексика; Adyghe linguistic personality; epic discourse; translation aspect; ethnospecific units; non-equivalent vocabulary.